

Вокруг Челпанова:

новые документы о психологической дискуссии 1923—1924 гг.

В 1923 г. в 151-м номере ежедневной берлинской газеты русской эмиграции «Дни»¹ появилась анонимная статья «Судьбы психологии в России». Ее подзаголовок — «Письмо из Москвы» — отсылал читателей к событиям публичных дискуссий между основателем и директором Психологического института при Московском университете Георгием Ивановичем Челпановым (1862—1936)² и его учениками — Константином Николаевичем Корниловым (1879—1957) и Павлом Петровичем Блонским (1884—1941), уже ставшими самостоятельными научными величинами и чей научный «символ веры» перемещался в направлении артикуляции марксизма как методологической платформы новой «советской» психологической науки.

Аналогичные идеологические дебаты происходили во многих научных дисциплинарных сообществах послеоктябрьской Советской России, переживавших изменение проблемной тематики и институционального и персонального составов после глобальных военных и социальных катаклизмов 1914—1921 гг. и демократизации системы высшего образования³. Однако острая публичность дискуссии между разными поколениями научной школы, учителем и учениками⁴, была тем более чувствительной для значительной части российского психологического сообщества, что с именем профессора Г.И. Челпанова связывалась целая эпоха в развитии и становлении психологии как самостоятельной научной дисциплины. Именно он стал создателем российской национальной школы экспериментальной психологии и

организатором первого в России специально психологического института. Среди полутора сотен учеников Челпанова были такие выдающиеся ученые и мыслители, как Алексей Федорович Лосев (1893—1988), Василий Васильевич Зеньковский (1881—1962), Густав Густавович Шпет (1879—1937) и др.

Высокий социальный статус профессуры и традиционное для академической культуры российской научной интеллигенции уважение к учителю (впрочем, нередко, но кулуарно, нарушаемое) никогда прежде не позволяли переводить научные или научно-организационные проблемы в инструмент прямого остракизма оппонента. Собственно и в корпоративную культуру советской науки «оргвыводы» как метод решения внутриинституциональных проблем пришли только с конца 1920-х годов. Отстранение профессора Челпанова в ноябре 1923 г. от директорства и работы в основанном им Психологическом институте было одним из первых целевых проявлений классово ориентированной кадровой политики новой советской научно-педагогической бюрократии, стремившейся не только активно «внедрять» новую методологическую парадигму, но и отбирать и выстраивать под нее лояльные кадры. Конфликт Г.И. Челпанова с учениками только по видимости имел внутриинституциональный характер; его значение далеко выходило за рамки дисциплины и даже научного сообщества, отражая глубокое и драматичное пересечение различных, часто взаимоисключающих, требований, интересов и представлений «о пользе науки» государства (в лице партийно-государственной бюрократии), общества и разных сегментов самого научного сообщества. С этой точки зрения сложившееся в последние десятилетия в отечественной историографии устойчивое мнение, что челпановский Психологический институт «пал» под натиском новых «советских» кадров, стремившихся перестроить психологическую

науку на основе начинавшей свое господство идеологии марксизма, выглядит явно недостаточным.

Научная биография Г.И. Челпанова до сих пор не написана⁵, а оценка его места в истории российской психологии остается амбивалентной. С одной стороны, подчеркивается бесспорный вклад профессора в организацию психологической науки и подготовку новых поколений психологов-исследователей; в то же время научные взгляды и исследовательская программа Челпанова по-прежнему критикуются за вторичность и неоригинальность. Неизвестными или мало известными остаются многие эпизоды и даже большие хронологические отрезки жизни и деятельности профессора.

Содержательный аспект психологической дискуссии 1923—1924 гг. подробно и убедительно реконструирован и проанализирован С.А. Богданчиковым на основе тщательного текстуального анализа опубликованных источников⁶. В то же время нельзя не согласиться с уважаемым автором, что вопрос о причинах выдворения Г.И. Челпанова из созданного им института требует дальнейшего всестороннего изучения.

Как известно, сам Г.И. Челпанов считал, что «главные наши изгнатели — это Корнилов и Блонский», но при этом проницательно добавлял: «Разумеется, они сами не в состоянии ничего сделать»⁷. Вот и автор⁸ вышеуказанной статьи в газете «Дни» после развернутого описания двух публичных заседаний Психологического института в Москве указывал на «скорпионов» — «двух учеников Челпанова, [которые] отделились Советской власти и советской науке» и делал однозначный вывод, что марксистская идеология — тормоз для любых свободных научных поисков.

В самом факте появления в эмигрантской печати такой критической рецепции московских дебатов не было ничего удивительного. Российская

послереволюционная эмиграция очень внимательно следила за всеми событиями в советской метрополии, а легкая проницаемость границ в 1920-е годы, особенно российско-германской, делала проникновение любой информации быстрой и широко распространяемой. Так, например, за рубежом хорошо знали о тяжелом материальном положении профессуры в России после завершения Гражданской войны и пытались помочь ей. В делах Комитета германского отделения Американского фонда помощи нуждающимся российским литераторам и ученым (Fund for the Relief of Men of Letters and Scientists of Russia) сохранилась датированная 7 ноября 1923 г. «Записка» высланного в 1922 г. в Германию кадета Александра Сергеевича Изгоева (1872—1935) с перечислением нуждающихся специалистов Московского университета, в числе которых был упомянут и Г.И. Челпанов⁹. Ему, как и другим профессорам, было выделено 15 долларов дотации — немалая сумма для того времени¹⁰. Это лишь один из многих примеров взаимодействия, саморегуляции и поддержки научного сообщества в условиях политического раскола и социального кризиса — темы, весьма перспективной для самостоятельного исследования в рамках социальной истории отечественной психологии¹¹.

Берлинская газетная публикация примечательна прежде всего тем, что ее машинописная копия отложилась в обширном деле, хранящемся в Архиве Российской академии наук¹² и аккумулирующим «документы открытой научной дискуссии между проф. Челпановым Г.И. и проф. Корниловым К.Н. о различном толковании идеологии марксизма в применении к разработке научной психологии» (из заголовка дела)¹³. С начала 1920-х годов, задолго до чисток «Великого террора», в Советской России не менее внимательно, чем в эмиграции, следили за тем, как происходившие в стране события освещались и отзывались в зарубежной, тем более эмигрантской, прессе. Более того, эти «отзвуки» отслеживались,

собирались и нередко непосредственно отражались на судьбе оставшихся в России ученых. Однако в случае с профессором Челпановым вряд ли берлинская публикация имела самостоятельное негативное значение. Скорее она была существенным дополнением к другим, более важным документам, находящимся в той же архивной папке, имевшим совсем «неоткрытый» характер и ярко демонстрирующих, что происходило «за сценой» психологической дискуссии, кто, как и о чем, помимо учеников, спорил с профессором Челпановым.

Максимально полное привлечение архивных документов — несомненно, один из наиболее продуктивных и эффективных, но, к сожалению, пока мало используемых, путей для изучения социальной истории отечественной психологической науки. Наша статья как раз и представляет некоторые новые архивные материалы, позволяющие лучше понять общий научно-организационный контекст дискуссии и приблизиться к ответу на вопрос, поставленный С.А. Богданчиковым: «Почему был уволен Г.И. Челпанов?»

Как известно, почти сразу после захвата власти большевистские лидеры провели серию кардинальных реформ высшего образования, а также начали создавать под эгидой Социалистической академии общественных наук (с 1924 — Коммунистической академии), образованной в 1918 г. во главе со старым большевиком, известным историком Михаилом Николаевичем Покровским (1868—1932), обширную систему марксистских научных и образовательных учреждений, параллельную аналогичным структурам Российской академии наук и университетов и призванную в конечном итоге их заменить. Об этой последней цели партийные и государственные руководители мало говорили публично и поначалу отношения между старыми и вновь

создаваемым структурами складывались вполне спокойно. Так, 4 марта 1921 г. постановлением Советского правительства при факультете общественных наук Московского университета была создана сеть из пяти гуманитарных научно-исследовательских институтов, в том числе Института научной философии. Его первое организационное заседание состоялось 9 сентября 1921 г., а директором института был утвержден ученик и близкий друг Г.И. Челпанова, профессор Густав Густавович Шпет (1879—1937), сразу пригласивший на работу сюда многих известных коллег-философов (С.Л. Франка, Б.П. Вышеславцева и др.). В декабре 1921 г. семинары Г.И. Челпанова по теории познания и эстетике были включены в план занятий со студентами этого института¹⁴, а 29 мая 1922 г. профессор был избран закрытым голосованием на должность сверхштатного действительного члена института¹⁵.

Однако положение института и его директора кардинально изменились после публикации в марте 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» статьи В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» — своего рода философского завещания вождя, в котором он обозначил связь новейших открытий в области естествознания и теоретических основ социалистического строительства. «Надо помнить, — писал Ильич, — что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьца»¹⁶. На практике это означало провозглашение крестового похода против буржуазных профессоров философии — «дипломированных лакеев поповщины»¹⁷. Значительная часть из них, как известно, была вскоре выслана¹⁸, а оставшиеся должны были быть подвергнуты марксистской «перековке». Публикация ленинского идеологического завещания стала важнейшим сигналом для партийной бюрократии и к старту кампании по

смене кадров — прежде всего в вузах, а затем и в исследовательских институтах.

Изменения коснулись и учреждений Московского университета. 5 марта 1923 г. на заседании коллегии Института научной философии ее председатель — старый большевик Яков Александрович Берман (1868—1933) сделал доклад «О работе института за истекший период»¹⁹, основной тезис которого гласил, что в среде научных работников института появились разногласия по принципиальным вопросам философии, которые вылились в идеологические дискуссии. Представителям «оппортунистических течений» Берман предложил покинуть институт. Первым «пал» директор института — Г.Г. Шпет. На его место был назначен не имевший высшего образования другой старый большевик, бывший ректор Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова Владимир Иванович Невский (1876—1937). Однако фактически всеми делами в институте заведовал Я.А. Берман²⁰.

В отличие от Невского, Берман успел окончить юридический факультет Московского университета (1890) и даже поучаствовать в известном сборнике «Очерки по философии марксизма» (СПб., 1908). В декабре 1917 г. он был избран последним председателем Московского ревтрибунала, а затем отправился на раздувание мировой революции в Австро-Венгрию. Вернувшись в Москву в 1920 г., Берман был назначен заведующим отделом юстиции Моссовета, а с 1922 г. стал преподавателем Коммунистического университета им. Свердлова и профессором общей теории права и государства 1-го МГУ²¹. Вот такой советский правовед с опытом ревтрибуналов стал реформатором Института научной философии, где были образованы четыре новых секции: научной методологии, истории философии, диалектического материализма и психологии.

В состав последней вошли многие и молодые, и известные специалисты: К.Н. Корнилов, В.М. Боровский, М.А. Рейснер, С.Н. Шпильрейн, А.Р. Лурия, В.А. Артемов, Л.С. Выготский, А.Н. Залманзон, Ю.В. Франкфурт, М.И. Гинзбург-Даян, Равкин, В.И. Мамлеев, Б.Д. Фридман, Н.Ф. Добрынин, Г.З. Иоллес. Секция психологии в свою очередь разделялась на четыре подсекции: общей психологии, генетической психологии, прикладной психологии, социальной психологии. Тем самым с марта 1923 г. научно-исследовательская работа по проблемам психологии, проводившаяся в рамках Московского университета, должна была сосредоточиться именно в секции психологии Института научной философии. Более того, вскоре Я.А. Берман обратился в президиум Ассоциации научно-исследовательских институтов с докладной запиской²², в которой предлагал утвердить новую структуру Института научной философии, а также поднимал вопрос о переводе челпановского Психологического института (также числившегося при факультете общественных наук МГУ) в подчинение Института научной философии.

Вряд ли Г.И. Челпанов был подробно осведомлен обо всех этих орг-и передвижениях. Однако, вслед за С.А. Богданчиковым, стоит обратить внимание, что профессор отнюдь не чувствовал себя жертвой и занимал весьма активную позицию по защите своего института. В январе 1924 г., после окончания II-го психоневрологического съезда, он направил заведующему Главному управлению научных и учебных заведений Наркомата по просвещению РСФСР, которому подчинялся и Московский университет, Федору Николаевичу Петрову (1876—1873) записку²³ с просьбой высказать мнение по существу проблемы «психология и марксизм». Также старый большевик, Петров отправил записку со столь непредсказуемым названием ниже по бюрократической лестнице — в Научный отдел Академического центра Наркомпроса, который

возглавлялся известным гонителем Академии наук и старой научной интеллигенции Вартаном Тиграновичем Тер-Оганесовым (1890—1962). Следуя бюрократическому канону круговой пересылки, 11 апреля копия записки была переправлена из этого отдела в Институт научной философии²⁴, и 16 апреля коллегия института (Я.А. Берман, В.К. Сержников, К.Н. Корнилов, А.М. Деборин при секретаре В.Н. Шмигельской) на своем заседании рассмотрела вопрос «О докладной записке Г.И. Челпанова»²⁵ и приняла решение размножить ее для обсуждения.

Оппонировали Челпанову сразу трое — К.Н. Корнилов, П.П. Блонский и Арон Борисович Залкинд (1886—1936), каждый из которых написал самостоятельный текст²⁶. Ответ Корнилова датирован 28 апреля 1924 г. и характерно подписан: «член Моссовета избрания 22/23 и 23/ 24 гг.». Если прибавить к этому, что в течение ряда лет К.Н. Корнилов был членом разных групп социал-демократии, то вряд ли стоит удивляться, что в нарушение ведомственной подчиненности все три ответа были отправлены не в Главнауку Наркомпроса РСФСР, а непосредственно в Центральный комитет Российской коммунистической партии для разбора «авторитетнейшей комиссией». А пока высокая партийная инстанция разбиралась, 9 мая 1924 г., коллегия Института научной философии вновь вернулась к обсуждению вопроса «О докладной записке Челпанова в Главнауку»²⁷, но не оставила при этом каких-либо подробностей заседания.

Вердикт подотдела пропаганды Отдела агитации и пропаганды (Агитпроп) ЦК РКП (б) последовал 10 июня 1924 г.²⁸. Содержание и стиль письма стоят того, чтобы воспроизвести его полностью:

«В Агитпроп ЦК поступила от Психологического института поданная профессором Челпановым в Главнауку докладная записка по

вопросу об «ошибочном толковании идеологии марксизма в разработке научной психологии» с ответами на нее проф. Корнилова, Блонского и Залкинда, которых записка эта имела в виду.

Психологический институт просит Агитпроп ЦК дать по дискуссии с проф. Челпановым свое заключение.

Не останавливаясь, однако, по существу на этой дискуссии, Агитпроп не может не отметить неизвестно на чем основанного заявления проф. Челпанова, что «правительство в 1922 г. предъявило требование, чтобы наука разрабатывалась в духе идеологии проф. Блонского и проф. Корнилова» и столь же обоснованного предложения того же проф. Челпанова комиссионным путем вынести «решение вопроса»: психология или рефлексология.

Нельзя не отметить и того, что почему-то именно проф. Челпанов берет на себя защиту перед Главнаукой подлинно марксистского материализма в психологии.

По существу же предложения проф. Челпанова следует сказать, что разрешение вопроса о марксистском материализме в применении к психологии лежит на пути, который для проф. Челпанова приемлемым не будет.

Путь к действительному разрешению этого вопроса — там же, где и общий путь к серьезной борьбе с буржуазной идеологией и всякими подделками под марксизм в области науки.

Этот путь указан в резолюции августовской конференции РКП 1922 г. по докладу т. Зиновьева об антисоветских партиях и течениях (раздел этой резолюции 5-й, п. Д, пар. А) и в резолюции XII съезда партии по вопросам пропаганды (пункт этой резол. 23).

Это путь оживления работы научной коммунистической мысли, завоевания научно-коммунистически мыслящими силами ученых органов

и объединение всей научно-исследовательской работы вокруг Коммунистической академии как идейного и организующего центра. Соединенные усилия руководящих кругов Главнауки, ГУС'а ²⁹ и Коммунистической академии, надо думать, помогут действительным марксистам упорно и настойчиво идти по этому пути и вести за собой научно-исследовательские институты, в частности, философский и психологический. Зам. зав. Агитпропом К. Попов»³⁰.

Константин Андреевич Попов (1876—1949), подписавший, а может быть, и собственноручно написавший, этот колоритный документ, был также весьма примечательной личностью ³¹. В 1898 г. он окончил юридический факультет Дерптского (Юрьевского) университета, но за участие в революционном движении был арестован и заключен на 10 месяцев в Петропавловскую крепость. С этого момента Попов постоянно арестовывался и высылался в самые отдаленные губернии России. В начале марта 1917 г. он возглавил первый в Омске Совет рабочих и солдатских депутатов; после падения Советской власти в июне 1918 г. был арестован белочехами и в августе 1919 г. в «эшелоне смерти» вывезен на восток, но по дороге бежал и до 1920 г. работал в иркутском подполье. В январе—феврале 1920 г. Попов был председателем Следственной комиссии по делу Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева, вынесшей обоим смертный приговор. В 1922—1928 гг. он был уже вторым лицом в Агитпропе ЦК РКП (б) – ВКП (б) в Москве, но в годы борьбы с партийной оппозицией покинул аппарат ЦК и преподавал в различных институтах. Так, в частности, Попов заведовал кафедрой марксизма-ленинизма Московского историко-архивного института (МГИАИ) в 1940-1948 гг. Учившаяся там в эти годы известный архивист Н.А. Ковальчук вспоминала о нем: «Фигура заметная, но мрачная и даже зловещая. Его боялись, студенты дрожали, приходя на экзамен. Знаменит профессор

Попов был тем, что возглавлял в свое время известную "тройку", судившую в Иркутске адмирала Колчака после разгрома "первого похода Антанты". Суровость большевика Попов сохранил до конца жизни. Он был знаком с В.И. Лениным еще по III съезду партии. Имел большие партийные заслуги. В 1940-е годы он выглядел довольно дряхлым стариком, ходил с трудом, лицо прокуренное, обрюзгшее, всегда пасмурное, недовольное, дыхание тяжелое, с сильной хрипотой, но глаза не потеряли блеска, загорались особым огоньком, когда он начинал читать лекцию. Читал без конспектов, по памяти и, конечно, не по "Краткому курсу". Слушать его было интересно, так как он сообщал малоизвестные факты и давал им свою собственную оценку. Студентам, ограничивавшимся при ответе на экзамене лишь знаниями "Краткого курса", как правило, ставил "неуд"³².

Разумеется, когда 2 июля 1924 г. коллегия Института научной философии РАНИОН (Я.А. Берман, В.К. Сережников, К.Н. Корнилов при секретаре В.Н. Шмигельской) вернулась к обсуждению докладной записки Г.И. Челпанова, она единодушно «присоединилась к отзыву, данному по этому поводу Агитпропом ЦК РКП»³³. На этом же заседании К.Н. Корнилов вновь выступил против Г.И. Челпанова — на этот раз с негативным отзывом о его учебнике по психологии для вузов и руководители института снова поддержали его, специально отметив, что издавать такой антимарксистский учебник «решительно» нельзя³⁴. Плохая вписываемость психологии в официальный советский канон марксизма очень беспокоила доморощенных партийных философов, и когда через несколько месяцев директором Института научной философии был назначен будущий академик Абрам Моисеевич Деборин (1881—1963)³⁵, психологическая секция в этом институте была и вовсе упразднена³⁶.

Однако партийные философы от марксизма никогда не забывали своих «врагов» и продолжали преследовать их, даже если они исчезали на время из поля зрения. Так, 14 ноября 1926 г. член коллегии Института научной философии Виктор Константинович Серезников (1873—1944) специально обратился к руководству института, настаивая, что «нашему институту следовало бы организовать кампанию борьбы с враждебными нашей материалистической философии течениями». В рамках такой кампании он предлагал издать целый ряд небольших сборников под общим названием «Враги марксизма».

«Каждый сборник, — писал Серезников, — включает в себе не более пяти листов и дает ряд коротких статей на одну определенную тему. Например: один такой сборник можно было бы посвятить Челпанову и его философии, другой — Фрейду и фрейдизму, третий и, может быть, четвертый — неоревизионизму и т.д. Нет необходимости распространяться о важности такой литературы. Если коллегия заинтересуется этим предложением, я мог бы сделать более подробный доклад»³⁷.

К счастью, коллегия не заинтересовалась, предпочитая вообще не затрагивать дисциплину, более не входившую в компетенцию института. Но товарищ Серезников, также юрист по образованию и участник первых марксистских кружков в России, до 1938 г. в ранге профессора преподавал историю философии, диалектический и исторический материализм в МГУ и МИФЛИ, постоянно следя за идеологической чистотой профессорско-преподавательского состава главных гуманитарных вузов страны, что, однако, не спасло его от молоха репрессий в 1938 г.³⁸

Опала Г.И. Челпанова в середине 1920-х годов во многом стала следствием передела институциональной структуры отечественной науки и попыток идеологического и организационного подчинения всего комплекса «наук о человеке» Коммунистической академии. В конечном

итоге эта навязываемая научному сообществу искусственная «марксистская коллективизация научной мысли» провалилась — 7 февраля 1936 г. научные учреждения Коммунистической академии были переведены в систему Академии наук СССР.

Георгий Иванович Челпанов скончался в Москве через шесть дней после этого знаменательного момента — 13 февраля 1936 г. В отличие от пассажиров «философского парохода» (1922), многим из которых высылка за границу спасла жизнь, он к этому времени потерял не только профессию, кафедру и учеников, но и почти всю семью. Весной 1920 г. арестовали его отца, а старшего брата расстреляли по обвинению в контрреволюционной деятельности. Дочь профессора Наталья, в 1926 г. вышедшая замуж за французского дипломата Бриса Парэна и уехавшая с ним во Францию, несмотря на неоднократные просьбы, после 1930 г. ни разу не получила визы на въезд в СССР и не смогла приехать к отцу. В 1934 г. скоропостижно скончалась другая дочь Челпанова — Татьяна, в 1935 г. умерла внучка Марина, дочь сына Александра, филолога, в том же году репрессированного по ложному обвинению.

Однако в последнее десятилетие благодаря усилиям Е.П. Гусевой и ее коллег в Психологическом институте Российской академии образования стали проводиться «Челпановские чтения». 12 апреля 2011 г. в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве состоялся Круглый стол «Пространство и время в судьбе семьи Челпановых» и выставка работ его дочери — художника-иллюстратора детской книги Натали Парэн. В истории новой России имя Г.И. Челпанова постепенно занимает достойное место.

¹Одним из редакторов газеты был последний министр-председатель Временного правительства Российской Республики А.Ф. Керенский. В разные годы здесь печатались Г.В. Адамович, М.А. Алданов, В.Л. Бурцев, Е.Д. Кускова и др. Подробнее

см.: Панков К.И. Роль берлинской газеты «Дни» в деле консолидации литературных сил Русского зарубежья // Культурная миссия Русского зарубежья. История и современность. Сб. статей. М., 1999. С.154—160. Впервые об упомянутой статье в контекст психологической дискуссии 1923 г. см. в: Психологический институт на Моховой (исторический очерк) / Отв. Ред. В.В. Рубцов, А.Д. Червяков. М., 1994. С. 12—13.

² О Г.И. Челпанове см.: Богданчиков С.А. Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27—36; Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 126—136; Он же, Сквозь время: школа Г.И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении // Методология и история психологии. Т. 3. Вып. 2. 2008 (апрель-июнь). С. 33—50; Ждан А.Н. Георгий Иванович Челпанов // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 67—73; Летцев В. Жизненный путь и творческий путь Г.И. Челпанова: борьба за психологию // Челпанов Г.И. Очерки психологии. М.; Обнинск 2009. С. 238—245; Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Неизвестные страницы творчества Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 99—106; Масоликова Н.Ю. Российское психологическое сообщество и Лейпцигский университет (конец XIX — начало XX в.) // Riha O., Fischer M. (eds.) *Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland*. Aachen: Shaker, 2011. С. 245—260; Радзиховский Л.А. Г.И. Челпанов — организатор Психологического института // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 47—60; Умрихин В.В. Основатель экспериментальной школы в российской психологии // Челпанов Г.И. Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе. М., 2009; и др.

³ Подробнее см.: Krementsov N. *Stalinist Science*. Princeton, 1997; Tolz V. *Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*. Houndmills, 1997 и др.

⁴ Тяжелую атмосферу дискуссии хорошо передают воспоминания Г.О. Гордона: «Аудитория (главная в Институте) была битком набита посетителями, в большинстве студентами факультета общественных наук 1-го и педагогического факультета 2-го университета (где деканом был Корнилов). Челпанов изложил свою точку зрения, которую я только что описал, и не удержался от нескольких резких выпадов по адресу Корнилова и Блонского, на что первый отвечал с места злобными взвизгами, а второй хранил молчание. Затем выступал Корнилов и плел вреднейшую вульгарную ахинею по поводу своей якобы марксистской психологии, а последним говорил Блонский, развивавший свою тогдашнюю *idée fixe* о том, что единственно одна только мимика является источником постижения психики, а прочее все гниль» (цит. по: Гордон Г.О. Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 90).

⁵ Книга И. Гладковой «Георгий Челпанов. Интеллектуальная биография и философия» (Екатеринбург, 2005) пока не очень соответствует своему названию.

⁶ Богданчиков С.А. История проблемы «психология и марксизм» (дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов): Канд. дисс. М., 1993; Он же, Почему был уволен Г.И. Челпанов? // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85—96; Он же, Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923—1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123—131; Он же, Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов, 2000; и др.

⁷ Цит. по: Из переписки Г.И. Челпанова и А.М. Щербины / Публикация Р.Л. Золотницкой // Психологический журнал. 1991. № 5. С. 90.

⁸ К сожалению, автора статьи пока установить не удалось.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1570. Оп. 1. Д. 10. Л. 145—145 об.

¹⁰ Там же. Л. 295.

¹¹ Применительно к истории российского психологического зарубежья см.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. «Российское научное зарубежье»: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. М., 2010.

¹² Здесь также хранится небольшая записка Г.И. Челпанова, адресованная в 1910 г. профессору В.И. Вернадскому: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович, с искренней благодарностью возвращаю Вам книги об американских университетах. Очень извиняюсь, что так долго держал их у себя. Искренно преданный Г. Челпанов» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1781). Кроме того, в материалах О.А. Богдановой, дочери известного зоолога А.П. Богданова, сохранилась тетрадь с надписью на обложке «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве» (АРАН. Ф. 446. Оп. 5. Д. 100), а также курсы лекций Г.И. Челпанова «Логика», «Философия» в записи известного историка Н.М. Дружинина (АРАН. Ф. 1604. Оп. 2. Д. 21).

¹³ АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 32.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 17.

¹⁵ Там же. Д. 6. Л. 6.

¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ 1921—1923. М., 2005.

¹⁹ АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—2.

²⁰ Там же. Д. 24. Л. 4; Д. 40. Л. 2.

²¹ Большая советская энциклопедия. М., 1927. Т. 5. С. 670—671.

²² АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 13. В эти же дни, 15 марта 1923 г., Ассоциация научно-исследовательских институтов была официально трансформирована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН), которая должна была поставить под свой контроль научно-исследовательскую работу шестнадцати институтов гуманитарного профиля, в том числе и Институт научной философии.

²³ АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 4, 5.

²⁵ Там же. Д. 24. Л. 5а.

²⁶ Там же. Д. 32. Л. 11—14; 15—21; 22—22об.

²⁷ Там же. Д. 24. Л. 6.

²⁸ Направлен Ф.Н. Петрову в Главнауку и в коммунистическую фракцию Психологического института.

²⁹ Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР.

³⁰ АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 32. Л. 25.

³¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987. С. 475; Михеев А. П. Попов Константин Андреевич // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 211.

³² «Историко-архивный институт стал моим родным домом»: Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940—1947) // Отечественные архивы. 2003. № 4.

³³ АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

³⁴ Там же. Д. 32. Л. 26—28 об.

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 11; Д. 40. Л. 2.

³⁶ Там же. Д. 40. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 44. Л. 31.

³⁸ Добавим, что в 1935 г. Серезников возглавлял Государственный исторический музей. В 1937 г. ему была присвоена ученая степень доктора философских наук по совокупности научных трудов. В 1938 г. репрессирован и погиб. О нем см.: Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 879; Подвойский Л.Я. Забытые имена отечественной философии: Виктор Константинович Серезников // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 2. С. 78—86.